

*Всем бабушкам
и дедушкам на свете*

ПРОЛОГ

Полный мрак

Вдруг наступила темнота. Как будто черную тряпку набросили. Потом замелькали какие-то вспышки, так бывает, когда пытаешься смотреть на солнце сквозь закрытые веки или когда сжимаешь кулаки, чтобы не закричать от боли или от волнения.

Мона, конечно, не так все это описала. Когда несчастье обрушилось на маленькую испуганную десятилетнюю девочку, она сказала просто, без поэтических красот:

— Мама, мне стало совсем темно!

Сказала сдавленным голосом, жалобно, но и как-то пристыженно. Такая нотка стыда всегда настораживала ее мать. Тут Мона никогда не притворялась. И раз она стыдилась, значит, было чего, и жди неприятных открытий.

— Мама, мне стало совсем темно!

Мона ослепла.

Непонятно почему. Все было как обычно: она прилежно делала математику, примостившись на углу стола, где ее мама шпиговала жирный кусок мяса чесноком; в правой руке держала ручку, левой прижимала тетрадку. У нее была дурная привычка горбиться при письме, поэтому висевшая на шее ракушка-талисман болталась над тетрадкой и мешала ей, она как раз хотела ее снять, и тут... Оба глаза заволокла густая тьма, как будто в наказание за то, что они были такие большие, чистые и светлые. И потемнело не снаружи, как бывает

по вечерам или в театре, когда постепенно гаснет свет, — нет, эта темнота шла изнутри, исходила из нее самой. Глаза затянула черная завеса, которая отрезала Мону от начерченных в тетради многоугольников, от темно-коричневого стола, от лежавшего в стороне куска мяса, от мамы в белом фартуке, от кухни с кафельными стенами, от папы, сидевшего в соседней комнате, от их квартиры в Монтрёе¹, от нависшего над улицами серого осеннего неба, от всего мира. Девочка очутилась в полной темноте, будто ее заколдовали.

Мама в панике позвонила семейному врачу. Сбивчиво рассказала, что случилось с глазами дочери, на вопрос, не расстроена ли у девочки речь, нет ли паралича, ответила: кажется, ничего такого.

— Похоже на ишемический спазм, — туманно сказал доктор.

Он велел дать Моне большую дозу аспирина и, главное, немедленно доставить в больницу Отель-Дьё — он предупредит коллегу, и тот сразу ею займется. Нет, это будет не он сам, другой педиатр, прекрасный специалист-офтальмолог и к тому же гипнотерапевт. Скорее всего, слепота пройдет минут через десять, сказал доктор и повесил трубку. Между тем прошло уже более четверти часа, а Мона по-прежнему ничего не видела.

В машине Мона плакала и била себя по вискам. Мать удерживала ее, хотя, по правде говоря, ей и самой хотелось постучать по хрупкой головке дочери, как делают со сломанным механизмом, тупо надеясь, что он опять заработает. Отец вцепился в руль старенького тряского “фольксвагена” и все хотел доискаться, из-за чего произошло несчастье. Он был уверен, что с дочкой что-то случилось на кухне, и сердился, что ему не говорят. Перебирал все возможные причины: горячий пар попал ей в глаза или она упала? Да нет же, нет, Мона сто раз повторила:

1 *Монтрёй* — парижский пригород. (Здесь и далее — прим. перев.)

— Это случилось само собой, просто так!

Отец не верил:

— Просто так не слепнут!

И зря не верил, люди слепнут и “просто так”. Именно это произошло с его дочерью, десятилетней Моной, у которой слезы текли в три ручья (может, она ждала, что слезы смоят черную муть с ее глаз), — именно это и произошло под вечер того октябрьского воскресенья. Но уже на пороге больницы на острове Сите, почти примыкающей к Нотр-Дам, Мона остановилась и перестала рыдать:

— Мама, папа, проходит!

Стоя на холодном ветру, она стала трясти головой, чтобы зрение поскорее вернулось. Пелена, застилавшая ей глаза, поднималась, как складная штора. Вот проступили контуры окружающего, очертания лиц и ближайших предметов, кладка каменных стен, вся палитра цветов и оттенков, от самых ярких до самых темных. Мона различила хрупкую фигурку матери, ее лебединую шею, тонкие руки и отцовские руки, посильнее. Наконец, увидела, как поодаль взлетел сизый голубь, и страшно обрадовалась. Слепота как захватила ее, так и отпустила. Пронзила ее, как пуля, которая входит в тело и выходит с другой стороны — больно, но рана заживет. “Чудеса”, — подумал отец. Он точно отсчитал время, сколько длился приступ: час и три минуты.

В офтальмологическом отделении больницы девочку не собирались отпускать, пока тщательно не обследуют, не установят диагноз и не дадут предписания. Конечно, тревога несколько улеглась, но успокаиваться рано. Медсестра отвела их в кабинет на втором этаже. Там принимал педиатр, доктор Ван Орст, которого предупредил семейный врач. Мулат, довольно молодой, но рано полысевший. Его ослепительно-белый халат контрастировал с болезненно-зелеными стенами. Добродушное лицо, широченная улыбка действовали успокоительно, хотя симпатичному доктору наверняка пришлось насмотреться на тяжелые случаи.

— Ну, сколько тебе лет? — спросил он прокуренным голосом, шагнув навстречу Моне.

Моне десять. Она единственная дочь любящих родителей. Ее маме Камилле около сорока. Она субтильная, с короткими восторженными волосами, в голосе чуть ощутимый привкус насмешливого говорка уроженки предместий. “Слегка безбашенная”, — говорил ее муж, и в этом был ее особый шарм, к которому, однако, добавлялась железная твердость, так что получалась этакая смесь властности с анархией. Она работала в агентстве по найму, была безупречной, старательной служащей. Но это в первой половине дня. А во второй — совсем другое дело. С обеда и до вечера она волонтерила направо и налево. Помогала всем подряд: от одиноких стариков до брошенных собак. Полю, отцу, стукнуло пятьдесят семь. Камилла — его вторая жена. Первая ушла к его лучшему другу. Он всегда носил галстук, чтоб были незаметны потертые воротники, и занимался мелкой торговлей антиквариатом. Его пристрастие — американская культура 1950-х годов: музыкальные и игральные автоматы, афиши. Началось это давно: еще подростком он собирал брелоки в форме сердечка, так что теперь обладал внушительной коллекцией этих штучек, которую ни за что не желал продавать, даже если, что вряд ли, нашлись бы охотники. С развитием интернета его лавчонка где-то на задворках в Монтрее совсем захирела. Тогда и он, положившись на свой авторитет знатока, обзавелся веб-сайтом, который без конца обновлял и переводил на английский. Деловой хватки у него не было никакой, но каждый раз, когда он оказывался на грани разорения, его спасали немногочисленные ценившие его постоянные клиенты-коллекционеры. Прошлым летом ему удалось починить игровой автомат *Wishing Well* фирмы *Gottlieb* 1955 года и продать его за кругленькую сумму в десять ты-

сяч евро. Удачная сделка после нескольких скудных месяцев. А потом снова ничего. Все говорили: кризис. Поль каждый день осушал у себя в лавке бутылочку красного, а потом надевал ее, пустую, как трофей, на острие сушилки-ежа, какие расплодилось с легкой руки Марселя Дюшана¹. Пенять на неудачи было некому, и он выпивал в одиночестве. Мысленно произнося тост за Мону. За ее здоровье.

Пока санитар водил Мону по запутанному больничному лабиринту из кабинета в кабинет, где ее обследовали и брали анализы, доктор Ван Орст, утопая в огромном кресле, сообщил Полю и Камилле первый диагноз:

— ТИА — транзиторная ишемическая атака.

Это означало, что на короткое время нарушилось кровоснабжение мозга и что теперь надо было найти причины этого расстройства. Однако случай Моны, по словам врача, озадачил его: с одной стороны, приступ, вообще говоря, редчайшее явление у девочки ее возраста, был необычайно силен — он затронул оба глаза и длился более часа; с другой — двигательная и речевая функции совершенно не пострадали. Посмотрим, что покажет МРТ. Но, с заминкой сказал он, готовиться надо к худшему.

Мону уложили на кушетку внутри какой-то жуткой машины и велели лежать спокойно и не шевелиться. Ее попросили снять талисман, но она отказалась. Это была маленькая ракушка на сплетенном из лески шнурке, которая раньше принадлежала ее бабушке и приносила счастье. Мона никогда ее не снимала, и точно такую же носил Диди, ее любимый дед. Два талисмана, думала Мона, связывали их, и она не хотела, чтобы эта связь с дедом прервалась. Металла в кулоне не было, так что ей разрешили оставить его. И вот ее

¹ *Марсель Дюшан* (1887–1968) — французский и американский художник, один из основателей сюрреализма.

прелестная головка, обрамленная нимбом каштановых с рыжеватым отливом волос, очутилась в этакой трубе, будто в чреве у людоеда, где что-то лязгало, как в заводском цеху. Пытка продолжалась с четверть часа, и все это время Мона негромко пела, чтобы выдержать, чтобы в этом гробу звучало что-то живое и бодрое. Пела все подряд: сладенькую колыбельную, которую еще недавно мама, по ее просьбе, мурлыкала ей перед сном; популярный хит, который крутили в супермаркетах, Моне нравился этот клип, там приплясывали симпатичные парни с красиво уложенными волосами; навязчивые рекламные мелодии, песенку про зеленую мышку, которую она однажды целый день вопила, стараясь безуспешно, разозлить папу.

Пришли результаты МРТ. Доктор Ван Орст позвал Камиллу с Полем и поспешил их успокоить. Ничего плохого. Совсем ничего. На всех срезах нормальная структура мозга. Никаких опухолей не обнаружено. Исследования продолжаются, самые разнообразные. Продолжаются всю ночь, исследуется всё, от глазного дна до внутреннего уха, и кровь, и кости, и мышцы, и артерии. Нигде ничего. Тишина после бури. Так была ли бури?

На часах в коридоре больницы Отель-Дьё пять утра. В голове измученной Камиллы всплыла детская страшилка про украденные глаза; можно подумать, сказала она мужу, какой-то злой волшебник забрал у Моны глаза, а потом вернул. Как будто по ошибке, отозвался Поль, просто обознался. Или послал какой-то знак, предупреждение, и делает это еще раз, подумали оба, но вслух не сказали.

Во дворе прозвенел звонок. Учительница мадам Аджи привела своих учеников на третий этаж и сказала им, что их одноклассница Мона вернется в школу только после осенних каникул. Ей самой накануне позвонила Камилла, мама

Моны, рассказала про ужасную ночь и про серьезные опасения. Ребята, конечно, засыпали учительницу вопросами. Значит, у Моны каникулы начнутся на неделю раньше?

— Просто она приболела, — только и ответила мадам Аджи, она и сама хотела бы знать больше.

— Приболела — вот повезло-то! — звонко крикнул Диего с третьей парты, выразив общее чувство.

Еще бы — большинству детей болезнь представлялась чудесным избавлением от школы.

Больше всех завидовали Моне ее лучшие подруги Лили и Жад, сидевшие за последней партой у выпачканной мелом занавески. Они прекрасно знали ее комнату, и им так хотелось быть с ней вместе! Приболела? Ну да, подумала Лили, но уж наверняка будет целыми днями торчать в антикварной лавочке у отца. Жад тоже, глядя на пустое место Моны, мысленно видела, как они с ней придумывают всякие истории и игры и роются в старых американских штуковинах, забавных, разноцветных, иногда непонятных и страшно интересных, которыми забита тесная лавка. Но Лили возразила:

— Нет, когда Мона болеет, с ней сидит ее дедушка, а я его боюсь.

Жад насмешливо фыркнула, чтобы показать, что уж она-то не боится ничего, а тем более дедушку Моны. Но в глубине души была согласна с Лили: она тоже робела перед этим высоченным сухопарым стариком со шрамом на лице, который разговаривал низким бесстрастным голосом.

— Алло, папа, привет, это я.

Камилла только в полдень набралась духу позвонить отцу. Анри Вуймен не признавал мобильных, а по стационарному телефону отвечал таким сухим и резким “да”, что про-

падала всякая охота продолжать разговор. Его дочь ненавидела этот ритуал и каждый раз заранее жалела о потерянном времени, даже если трубку снимала мать (когда еще была жива).

— Папа, — начала она, через силу выговаривая слова, — случилась ужасная вещь.

И рассказала все по порядку, стараясь сохранять спокойствие.

— И что же? — с нетерпением в голосе спросил Анри.

Но Камилла так долго сдерживала слезы, что не выдержала и вместо ответа разрыдалась.

— Так что же, милая? — торопил ее отец.

Неожиданно ласковое обращение придало Камилле сил, она глубоко вздохнула и закончила:

— Ничего! Пока ничего не нашли. Все, кажется, в порядке.

Анри тоже вздохнул с огромным облегчением, откинулся на спинку стула и обозрел потолочную лепнину: радующий глаз орнамент из пузатых фруктов, весенних цветов и витиеватых загогулин.

— Дай мне ее на минутку.

Но Мона уже задремала в гостиной, пригревшись в кресле под рыжим пледом.

Овидий описывал засыпание как вход в огромную пещеру, где, томно раскинувшись, возлежит бог сна. Эти чертоги недоступны для Феба, повелителя Солнца. Мона узнала от деда, что путешествия в таинственные, зыбкие области сна определяют ритм отмеренной нам жизни. Поэтому никак нельзя пренебрегать прогулками по этим краям, где мы вновь и вновь оказываемся еженощно.

В следующие дни доктор Ван Орст из Отель-Дьё направлял Мону на все новые и новые обследования. И снова никакой особой патологии не выявилось. Шестьдесят три минуты слепоты оставались необъяснимыми, так что доктор отка-

зался от диагноза “транзиторная ишемическая атака”, предполагавшего сосудистую недостаточность, в наличии которой он теперь сомневался. Поскольку установить точный диагноз не удавалось, Ван Орст предложил Моне и ее родителям прибегнуть к гипнозу. Поля такое предложение ошарашило. Мона же не очень хорошо понимала, что это такое. Само слово связывалось у нее с игрой в удавку, о которой она что-то смутно слышала в школе и которая ужасно ее пугала. Доктор постарался развеять это ложное представление и объяснил: погрузив Мону в гипноз, он сможет на некоторое время проникнуть в ее сознание и управлять им. Таким образом он вернет девочку в тот момент, когда у нее пропало зрение, даст ей пережить это снова, и тогда, возможно, обнаружится причина. Поля был категорически против. Ни в коем случае, это слишком опасно. Настаивать Ван Орст не стал — чтобы гипноз дал результаты, ребенок должен полностью довериться врачу. У Моны же с самого начала было сильное предубеждение, и отец ее бурно воспротивился, значит, возвращаться к рискованной теме не стоило. Что касается Камиллы, она промолчала.

Что ж, доктор Ван Орст назначил пациентке классическое медицинское наблюдение: еженедельно сдавать кровь, показываться офтальмологу. Плюс домашний режим на десять дней. А Камилле и Полю велел отслеживать “любые субъективные жалобы, которые могут иметь симптоматический характер”, то есть внимательно прислушиваться к ощущениям дочери. И посоветовал обратиться по этому поводу к педопсихиатру.

— Собственно, не для лечения, а для текущей профилактики.

Поля и Камилла более или менее подробно записали его советы, но их мучил только один вопрос: “Есть ли опасность, что Мона со временем ослепнет?” Почему-то Ван Орст ни разу об этом не заговорил, да и сами родители, несмотря на тревогу, прямого вопроса избегали. В конце кон-